

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES / ИСТОРИ АСЛАЛАХЕСЕМ

УДК 39(470.4)"18/19"(=161.1)
ББК 63.3(2Рос.Чув)5-7

Научная статья

О ЧУВАШСКОМ ВЛИЯНИИ НА КУЛЬТУРУ И БЫТ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ю. В. Гусаров

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
gsr63@yandex.ru

Аннотация. После присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству между русским и чувашским народами установились тесные отношения. Многовековое соседство двух этносов сопровождалось взаимовлиянием культур и языков. В статье рассматривается чувашское влияние на культуру и быт русского населения Казанской губернии в XIX — начале XX в., ранее затрагивавшееся в историографии лишь вскользь. В работе использованы архивные источники и историко-этнографическая литература. Применены общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также нарративный метод, с помощью которого описаны чувашские заимствования в культуре и быте русского населения. Основными каналами чувашского влияния служили хозяйственные контакты и бытовое общение. В большей степени оно проявилось в Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии. В этих уездах чувашское население преобладало численно, что усиливало его воздействие на соседние народы. В XIX — начале XX в. следы чувашского влияния фиксировались в быту, традиционном хозяйстве, общественных отношениях, разных видах материальной и духовной культуры русских крестьян и горожан. Использование опыта жизнедеятельности и хозяйствования чувашского народа обогатило культуру и быт русского населения, способствовало его развитию.

Ключевые слова: этнография, чуваша, русские, быт и культура, Казанская губерния

Для цитирования: Гусаров Ю. В. О чувашском влиянии на культуру и быт русского населения Казанской губернии (XIX — начало XX века) // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 10 — 23

© Гусаров Ю. В., 2026

Scientific article

ABOUT THE CHUVASH INFLUENCE ON THE CULTURE AND WAY OF LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION OF KAZAN PROVINCE (19TH — EARLY 20TH CENTURY)

Yu. V. Gusarov

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
gsr63@yandex.ru

Abstract. Following the incorporation of the Middle Volga region into the Russian state, close relations were established between the Russian and Chuvash peoples. The centuries of coexistence of these two ethnic groups was accompanied by mutual cultural and linguistic

influence. This article examines the Chuvash influences on the culture and everyday life of the Russian population of the Kazan Governorate in the 19th and early 20th century, an influence that has previously only been briefly touched upon in historiography. The study utilizes archival sources and historical and ethnographic literature. General scholarly methods, including analysis, synthesis, and generalization, are employed, as well as a narrative method for describing Chuvash borrowings in the culture and everyday life of the Russian population. The main channels of Chuvash influence were economic contacts and everyday communication. This influence was most evident in the Cheboksary, Tsivilsky, Yadrinsky, and Kozmodemyansky districts of the Kazan Governorate. In these districts, the Chuvash population was numerically dominant, which increased its influence on neighboring peoples. In the 19th and early 20th century, traces of Chuvash influence were recorded in the everyday life, traditional economy, social relations, and various forms of material and spiritual culture of Russian peasants and townspeople. The adoption of Chuvash everyday and economic practices enriched the culture and daily life of the Russian population, contributing to its development.

Keywords: ethnography, Chuvash, Russians, life and culture, Kazan province

For citation: Gusarov Yu. V. About the Chuvash influence on the culture and way of life of the Russian population of Kazan province (19th — early 20th century) // Modern humanities. 2026;2(1):10 — 23

Аслăлăх статийи

ХУСАН КĖПĖРНИНЧИ ВЫРĂССЕН КУЛЬТУРИНЕ ТАТА КУЛЛЕНХИ ПУРНАЃНЕ ЧĂВАШСЕМ КЎНĖ ВИТĖМ ЏИНЧЕН (XIX — XX ЁМĖРĖН ПУЃЛАМĂШĖ)

Ю. В. Гусаров

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
gsr63@yandex.ru

Аннотаци. Вăтам Атăл тăрăхĕ Вырăс патшалăхне кĕрсен вырăспа чăваш халăхĕсен хушшинче тачă хутшăнусем йĕркеленнĕ. Темиçе ёмĕр кўршĕллĕ пурăннă май икĕ этнос пĕр-пĕрин культурипе чĕлхине витĕм кўрсе тăнă. Статъяра чăвашсем Хусан кĕпĕрнинчи вырăссен культурипе кулленхи пурнаЃне XIX — XX ёмĕрĕн пуЃламăшĕнче кўнĕ витĕме тĕпченĕ. Историографире ку темăна хальлĕхе çула май çеç асăнса хăварнă. Статъяра архив материалĕсемпе, истори тата этнографи литературипе усă курнă. Тĕпчеве аслăлăх тишкерĕвĕн пĕтĕмĕшле меслечĕсемпе (анализ, синтез, пĕтĕмлетў) йĕркелесе пынă, вырăссен культурипе кулленхи пурнаЃĕнчи чăвашсенчен йышăннă пулăмсем пирки каласа кăтартнă чухне — нарратив мелĕпе. Чăвашсен витĕмĕ, тĕпрен илсен, хуçалăх ҫыхăнăвĕсемпе кулленхи хутшăнура, ытларах Хусан кĕпĕрнинчи Шупашкар, Çĕрпў, Етĕрне, Чикме уесĕсенче палăрнă. Ку уессенче чăвашсен витĕмĕ вайлă пулни вĕсен шучĕ кўршĕ халăхсемпе танлаштарсан пысăкрах пулнинчен килнĕ. XIX ёмĕрте тата XX ёмĕрĕн пуЃламăшĕнче чăвашсен витĕмĕн йĕрĕсене вырăс хресченĕсен тата хулари вырăссен кулленхи пурнаЃĕнче, авалтан килекен хуçалăхĕнче, обществăри хутшăнăвĕсенче, пурлăх культурипе ас-тăн культурин тĕрлĕ пайĕсенче пулнине палăртса хăварнă. Чăвашсен пурнаЃĕпе ёҫĕ-хĕлĕн, хуçалăхри опычĕпе усă курни вырăс халăхĕн культурипе кулленхи пурнаЃне пуянлатса аталанма пулăшнă.

Тĕп сăмахсем: этнографи, чăвашсем, вырăссем, культурăпа кулленхи пурнаЃ, Хусан кĕпĕрни

Цитатăлама: Гусаров Ю. В. Хусан кĕпĕрнинчи вырăссен культурине тата кулленхи пурнаЃне чăвашсем кўнĕ витĕм ҫинчен (XIX — XX ёмĕрĕн пуЃламăшĕ) // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 10 — 23

Введение

Русские живут в Среднем Поволжье много веков в соседстве с местными народами: татарами, чувашами, марийцами, мордвой, удмуртами. Особенно тесные отношения между народами установились после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству. Многовековые экономические, социальные и культурные связи между чувашским и русским народами сопровождались культурно-бытовым и языковым взаимовлиянием. Великие реформы середины XIX в. открыли простор развитию товарно-денежных отношений, что привело к расширению и углублению межэтнических контактов.

Традиционно в региональной историографии основное внимание уделяется прогрессивным русским заимствованиям в культуре и языке чувашского народа, чувашские затрагиваются вскользь [1; 6; 7]. Исключением являются труды казанских этнографов Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина, в которых уделено внимание культурному влиянию народов Среднего Поволжья на русских [3; 4]. По заключению Е. П. Бусыгина, русское население региона имеет ряд своеобразных культурно-бытовых особенностей, отличающих его от соплеменников других регионов, что делает закономерным выделение Среднего Поволжья в особую историко-этнографическую область [3, с. 74 — 75]. Настоящая статья посвящена чувашскому влиянию на культуру и быт русского сельского и городского населения Казанской губернии XIX — начала XX в.

Материалы и методы

Источниковой базой при написании статьи послужили архивные документы, а также историко-этнографические труды XIX — начала XX в., описывающие культуру и быт чувашского и русского населения Казанской губернии. Исследование выполнено с помощью общенаучных методов анализа, синтеза и обобщения. Применение нарративного метода позволило описать чувашские заимствования, обогатившие культуру и быт русских крестьян и горожан Казанской губернии.

Результаты исследования и их обсуждение

Русский этнос численно многократно превышал чувашский, являлся государствообразующим. Его язык имел статус государственного, а Русская православная церковь была господствующей, поэтому русское воздействие на чувашский народ было многообразным. Основными каналами чувашского влияния служили экономические отношения и бытовое общение с русскими крестьянами и горожанами, что характеризует его как народное. Русские вступали в экономические связи с чувашскими крестьянами: закупали хлеб, арендовали водяные мельницы и др. Многие из них становились досами (*тус* — «друг»), с которыми чувашаи поддерживали приятельские отношения. По словам современника, в начале XIX в. почти все жители Чебоксар знали чувашский и марийский языки, «изучив оные из вседневного обращения с сими народами»¹.

Важное значение в культурном сближении принадлежало демографическому фактору: «В тех случаях, когда русские оказывались в меньшинстве среди окружающего нерусского населения, — писал этнограф Е. П. Бусыгин, — влияние последних было сильнее» [2, с. 83]. В конце XIX в. 59,5 % всех чувашей проживало в Казанской губернии. При этом в двух уездах (Тетюшский, Чистопольский) они

¹ Чебоксары в записках современников и путешественников (вторая половина XVI — начало XX в.) / сост. С. В. Охотникова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. С. 264.

составляли более 16 % населения (русские — 31,56 % и 48,38 % соответственно), а в четырех уездах преобладали численно (табл. 1²).

Таблица 1

**Соотношение между чувашским и русским населением
в отдельных уездах Казанской губернии (%)**

Национальность	Ядринский уезд	Цивильский уезд	Чебоксарский уезд	Козьмодемьянский уезд
Чуваши	89,96	79,1	65,6	47,6
Русские	8,95	9,99	18,43	16,36

Чуваши были массово крещены в середине XVIII в., но в подавляющем большинстве являлись православными только по названию: редко посещали церковь, плохо знали молитвы, не соблюдали религиозные посты. По словам священника с. Савруши Чистопольского уезда В. Пеньковского, русские прихожане ставили в укор чувашам-соседям общение с соплеменниками-язычниками и татарами, как «нехристями»³. Чувашский быт сильно отличался от русского. Многие чувашки не владели русским языком, а русские — чувашским. Первые уступали вторым в уровне образования. Все это сказывалось на взаимоотношениях народов. «Между русскими и чувашами нет еще взаимной любви и единодушия, — писал в 1899 г. священник с. Кошелеи Цивильского уезда В. С. Зайков. — Русские и сейчас своим происхождением гордятся, почему и относятся к чувашам отчасти с пренебрежением [...] Но чувашки [...] к русским — с почтением и уважением»⁴. «Русские смотрят [на] чуваш горделиво [...], — вторил ему священник с. Норусово Ядринского уезда Е. Каменский. — Со словом “чуваш” у них соединяется понятие грубости и, в особенности, невежества»⁵.

Этнограф Г. И. Комиссаров отмечал отсутствие национального антагонизма между чувашским и русским народами [12, с. 411]. Его советский коллега Н. Р. Романов справедливо указывал, что их историческое развитие шло по пути сближения⁶. За столетия совместного проживания между русскими и чувашами сформировались дружеские отношения, без которых невозможен взаимовыгодный культурный обмен.

Поволжье — это этнический перекресток, «плавильный котел» культур и цивилизаций. Этнограф А. Ф. Риттих отмечал, что русское население Казанской губернии сформировалось из выходцев из разных регионов России, в основном Верхневолжья, вобрав в себя обрусевших крещеных татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордву, что привело к разнообразию внешнего облика [18, с. 103 — 104]. Скажем, краевед П. С. Попов указывал, что жители Чебоксар чертами лица мало отличаются от чувашей: «От здешнего мещанина, цехового, какого-либо промышленника так и несет чувашнизмом», объясняя это наличием у них чувашской родни⁷. Чувашский этнограф С. М. Михайлов отмечал, что многие чебоксарцы

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. Санкт-Петербург, 1904. С. 100, 103.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Л. 19.

⁴ Там же. Ед. хр. 638. Л. 81 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 196. Л. 170 об.

⁶ Там же. Ед. хр. 413. Л. 95.

⁷ Попов П. С. Этнографическое описание г. Чебоксар с его уездом (1853 года) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 42 — 44.

имеют чувашские корни [15, с. 197]. Желая проверить его слова, Н. Р. Романов по материалам четвертой ревизии 1787 г. выявил 39 семей дворовых людей, мещан и ремесленников г. Чебоксар, породнившихся с чувашами⁸.

В свою очередь, имело место очувашивание, но более скромное по масштабам. После покорения Казанского ханства в состав чувашского народа в незначительном количестве влились русские полоняники и крестьяне, очувашившиеся в XV — XVI вв. [10, с. 36]. В 1593 г. митрополит Казанский и Астраханский Гермоген (Ермолай) писал, что многие «русские полоняники и неполоняники живут у татар, и у черемисы, и у чуваш, и пьют с ними, и едят с одного, и женятся у них» [2, с. 438]. По рассказам алатырских старожилов, немало крепостных крестьян сбегало от притеснений помещиков «в чуваш». Последние, сочувствуя их тяжелой жизни, переодевали беглецов в чувашскую одежду и первое время скрывали на лесных пасаках, а затем принимали к себе на жительство. По этому поводу бытовала поговорка: «Из чуваш, что с Дону, выдачи нет». Иногда беглецы брали имя умерших крестьян-чувашей, а холостые женились на чувашках. Их потомки «окончательно сливались с чувашским населением»⁹.

Чувашско-русские браки были характерны для городов, торговых сел и селений, расположенных на транспортных путях, а также имеющих смешанный состав населения. С развитием товарно-денежных отношений смешанные семьи стали появляться в чувашских деревнях. В 1900 г. гражданский священник П. И. Аристовский писал, что даже «в чисто инородческой» деревне нередко можно встретить «несколько семей, говорящих по-русски»¹⁰. Но и тогда массовыми они не были. Скажем, в приходе с. Тобурданово Цивильского уезда в 1870 — 1900 гг. образовались только две чувашско-русские семьи¹¹.

По словам современника, женитьбу на чувашках русские мужики почитали «за стыд и укоризну», а тех, кто решался на это, подвергали насмешкам¹². В свою очередь чуваш, писал священник с. Шемердяны Ядринского уезда К. Владимирский, при торговле с русскими сталкивавшиеся с обманом (обвешивание, обмеривание, обсчитывание, сбыт фальшивых денег), принимали их за мошенников и боялись родниться¹³.

Смешанные семьи создавали чуваш, прожившие среди русских. Чаще это были сельские учителя, купцы, представители духовенства. Нередко жены они брали из мещанской среды или духовенства¹⁴. Как правило, дети в таких семьях воспитывались по-русски. Чувашское начало побеждало реже. Священник с. Кутум Чистопольского уезда К. Петазов (1868), говоря о смешанных семьях в приходе, писал, что русские жены сделались «совершенными апайками (прозвище чувашских женщин. — Ю. Г.), переменили костюмы и обычаи», а русские мужья превратились в «истовых» чувашей, «даже разучились чисто говорить по-русски. И те и другие, — продолжал он, — и сами живут, и детей воспитывают в чувашском суеверии и предрассудках, пре-

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 413. Приложение. Л. 54 — 58; Местная хроника // Волжский вестник. 1888. 12 декабря. С. 2.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 22. Л. 6 об. — 8.

¹⁰ Там же. Отд. I. Ед. хр. 196. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Ед. хр. 195. Л. 38 об.

¹³ Там же. Л. 75 об., 76.

¹⁴ Там же. Л. 76.

восходя в отношении этом природных чуваш»¹⁵. В. К. Магницкий упомянул о русской жене учителя-чуваша из Чебоксарского уезда, которая знала чувашские заговоры и слыла за ворожею¹⁶.

Существовали и другие каналы очувашивания. В чувашской общине дети-сироты усыновлялись. В отдельных случаях крестьяне брали на воспитание русских детей, обращая их в чувашей [21, с. 48]. К этому прибегали чаще при отсутствии наследника или частой смерти детей. Следует брать в расчет подкидышей и незаконнорожденных, количество которых, впрочем, не могло быть большим.

Отдельные элементы чувашского быта проникали в городскую среду. В середине XIX в. жителям ряда городов полюбилась чувашская народная музыка. По свидетельству П. С. Попова, чебоксарские девушки-мещанки пели, плясали и водили хороводы под игру на скрипке, чувашских гусях и гармонике¹⁷. В Козьмодемьянске свадьбы и другие семейные праздники не обходились без игры на чувашских гусях [15, с. 162]. «На девичьих вечеринках теперь не увидишь уже балалаечников или другой какой-либо тому подобной музыки, а только звучат гусли», — писал С. М. Михайлов. Лучшими музыкантами считались грамотные парни, исполнявшие русские плясовые и хоровые песни, даже вальсы и экосезы (старинные шотландские народные танцы) [15, с. 65].

В Чебоксарах чувашских музыкантов привлекали к обслуживанию общественных культурно-досуговых мероприятий: «После спектакля были устроены танцы под своеобразную музыку чуваш», — сообщалось в газетной корреспонденции начала XX в. [9, с. 279]. В те же годы в Цивильске образовался инструментальный оркестр (скрипка, альт, виолончель, гусли, контрабас, барабан), который современник называет чувашским. Он выступал на танцах после любительских спектаклей и концертов, а также на праздниках в общественном парке, исполняя в том числе чувашские мелодии [9, с. 283].

По свидетельству В. К. Магницкого, на рубеже 1870 — 1880-х гг. на улицах Казани стали встречаться чувашские парни и мальчики лет пятнадцати с гусями и скрипкой [14, с. 236]. Позднее он писал о группах из 2 — 3 чувашей «с смуглыми лицами, не в изящном костюме, с самодельными музыкальными инструментами под мышкой». Это были чуваша Чебоксарского уезда, подрабатывавшие игрой на музыкальных инструментах. «Сколько нам известно, — продолжал этнограф, — чувашские гусельщики и скрипачи полюбились в Казани, особенно в Суконной слободе, где их во время рубки капусты осенью приглашают наперебой на “вечерки” играть русские игровые и плясовые песни»¹⁸.

Казанцы по достоинству оценили также точность чувашских примет о погоде, благодаря которым, по словам современника, чуваша «сделались почти оракулами в Казани»¹⁹.

В XIX в. в некоторых городах Чувашского края процветал промысел по содержанию въезжих квартир, ориентированный на чувашских крестьян.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Л. 99 об.

¹⁶ [Магницкий В. К.] Из Чебоксарского уезда Казанской губернии, 20-го февраля [1873 г.] // Голос. 1873. 5 марта. С. 2.

¹⁷ Попов П. С. Этнографическое описание г. Чебоксар с его уездом (1853 года). С. 63, 64.

¹⁸ [Магницкий В. К.] По Чебоксарскому уезду. (Из дорожных набросков) // Волжский вестник. 1887. 5 июня. С. 2 — 3.

¹⁹ Цит. по: Смоленский А. В. Чувашские приметы о погоде и влияние ее на хозяйство. Чебоксары: [б. и.], 1992. С. 4.

Современники иронично называли Чебоксары чувашской столицей из-за «громного наезда» в него «чуваш в базарные дни из окрестных деревень»²⁰. В большом количестве чуваш приезжали в город также во время весенних работ, в период навигации для перевозки пристанских грузов и осенью при приеме новобранцев на военную службу²¹. Предприимчивые горожане зарабатывали на спросе на въездные квартиры. В 1853 г. П. С. Попов писал, что чебоксарцы-домовладельцы в поисках клиентов выезжали в чувашские деревни, где встречались с коштанами, угощали их вином и предлагали свой дом под постой для всех жителей деревни на целый год. После заключения сделки чуваш, по словам краеведа, «...временно и без- временно, в базар и без базара, валком валят и в снегу, и в грязи» в договорный дом на ночлег. Желая угодить постояльцам, домочадцы встречали гостей «чисто по-чувашски: их милым языком, одеждою чувашскою и всею манерностью в этом тоне»²², даже разрешали курить в доме махорку [15, с. 196], что было пожароопасно. Неудивительно, что в Чебоксарах, по словам краеведа, «и женский пол, и ребятаиши стараются изучить язык, нрав и обычай чуваш»²³.

Постояльцы хозяину дома денег не платили, однако он не оставался внакладе: после сбора урожая отправлялся в свою «вотчину», где по дворам собирал «всякую всячину: рожь, ячмень, горох, овес, хмель, лук, картофель, семя, крупы и прочее». Нуждаясь в топливе на зиму, из собранного хлеба варил пиво и устраивал «холку» — помочь. Откликаясь на его призыв, чуваш на своих телегах привозили дрова и по приезду в город сами их пилили и кололи²⁴.

Рассказ краеведа дополняет свидетельство В. К. Магницкого: «Чуваш, приезжая в свою столицу — Чебоксары, останавливаются всякий своей деревней в известной улице и доме, где их поят и кормят даром и за постой не берут; но наступит осень, и чебоксарцы получают с чуваш за все годичное их продовольствие, чем исключительно многие в Чебоксарах и пропитываются»²⁵.

Тремя десятилетиями ранее учитель П. И. Климентов писал, что почти каждый домохозяин г. Цивильска имеет по «две или три чувашские деревни», с которых собирает «всякого рода жито и хмель за то, что чуваши помянутых селений по случаю приезда в Цивильск или проезда чрез оный в другие города постоянно квартируют в их домах»²⁶.

Данный промысел существовал долго. В статье о Цивильске в энциклопедии Брокгауза-Эфрона читаем: «Жители... многие промышляют приемом на постой, особенно приезжающих на городские базары чувашей, причем плата взимается не деньгами, а хлебом — осенью или в начале зимы»²⁷. В 1916 г. отмечалось, что большинство жителей Цивильска кормится тем, что пускает на квартиру приезжающих в город чувашей²⁸. В 1930-е гг. крестьянин д. Орнары Цивильского уезда

²⁰ [Магницкий В. К.] Из Чебоксарского уезда («Чувашская столица», русские и чуваш, из области чувашской мифологии) // Волжский вестник. 1887. 1 августа. С. 2.

²¹ Чебоксары в записках современников и путешественников (вторая половина XVI — начало XX в.). С. 50.

²² Попов П. С. Этнографическое описание г. Чебоксар с его уездом (1853 года). С. 44.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Там же. С. 43, 44.

²⁵ [Магницкий В. К.] Из Чебоксар Казанской губернии // Русские ведомости. 1869. 16 декабря. С. 1.

²⁶ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 3. Д. 39. Л. 349 — 349 об.

²⁷ [Неволин П. И.] Цивильск // Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. Т. 38. Санкт-Петербург, 1903. С. 153.

²⁸ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1888. Л. 303.

А. П. Шишкин вспоминал, что почти каждый цивильский домохозяин содержал «хваттер» — въезжую квартиру для чувашских крестьян, куда они приезжали «как к себе домой». Осенью домовладельцы собирали с постояльцев по одной мере хлеба, а летом перед Цивильской Тихвинской ярмаркой — солод и хмель «на квас»²⁹. Можно думать, что в Цивильске с постояльцами-чуваши обращались тем же манером, что и в Чебоксарах.

Порядок отложенного расчета за квартирование был заимствован, видимо, из практики постоялых дворов. В. А. Сбоев писал, что чуваша могли привередничать, даже не заплатив за обед или ужин. Зато осенью содержатели постоялых дворов — русские крестьяне и мещане — объезжали чувашские деревни, и со всех клиентов, а также крестьян, занимавшихся извозом, собирали «контрибуцию натурою, напр[имер] рожью, овсом и т. п.», взыскивая с должников втридорога [19, с. 18].

Национальный костюм — важный компонент этнической идентичности. В XIX в. среди русских крестьян и горожан с небольшим достатком бытовало ношение чувашской одежды. О том, какая одежда и как попадала к ним, рассказала А. А. Фукс, побывавшая на чувашских поминках на Семик. По ее словам, вслед за чуваши, собравшимися на кладбище, поблизости от него укрылись русские мужики и бабы, специально приехавшие за 10 — 15 верст. Когда чуваша ушли с кладбища, они собрали оставленные для покойников на могилах холсты, полотенца, рубахи, кафтаны, женские наряды и недоеденную снедь. Богатые брали хлеб и объедки для домашней птицы, рубашки и холст — на ветошь, а бедные, писала А. А. Фукс, «едят и носят сами». Приехавшие рассказали, что этот обычай «ведется исстари». Среди русских употреблять в пищу и надевать чувашские пожертвования покойникам осуждалось и даже считалось бранью сказать: «Ты, видно, и ел с мазарок»³⁰, или «На тебе, видно, и рубашка с чувашских мазарок» [20, с. 17, 81].

Во второй половине XIX в. в ношении чувашской одежды отметились горожане. Чебоксарский купец из чувашей П. Е. Ефремов в большом количестве закупал поношенную чувашскую одежду на тряпье, отправляя ее на баржах по Волге³¹. Много ее собиралось на мазарках. Заготовленное сырье хранилось в амбарах в черте города. Это нарушало санитарные нормы, поэтому в 1879 г. чебоксарский исправник указал городскому голове на необходимость введения запрета на складирование тряпья наряду с сырыми кожами³².

До погрузки на баржу обноски, что покрепче, покупали мещане. Мужчины надевали ее при выполнении грязных работ, преимущественно погрузочно-разгрузочных на пристани, женщины — при походах в лес за грибами и орехами, нищие — при хождении за милостыней (одетым в рубище подавали лучше). Комментируя это, В. К. Магницкий писал, что разбогатевший чуваш спешит по костюму превратиться в русского, а обедневший русский облачается в чувашскую

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 10. Л. 15 об.

³⁰ Мазарки (от чув. *масар* — «кладбище») — места рядом с чувашскими кладбищами, где родственники бросали щепы от гроба, оставляли одежду покойного, его перину и поминальную пищу [14, с. 257; 20, с. 161]. «По мнению чуваш, — писал А. И. Артемьев, — покойники любили посещать места, где лежали вещи, драгоценные для них по соединенным с ними воспоминаниям; места эти признавались священными». — Артемьев А. И. Древний болгарский город Жукотин // ЖМВД. 1851. № 1. С. 67.

³¹ Магницкий В. К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2024. С. 42.

³² ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 284. Л. 26 об.

рубашку³³. Русские, жившие среди чувашей, нередко подражали им в одежде. Скажем, кузнецы, подолгу работавшие в чувашских селениях, носили чувашскую верхнюю одежду: *сӑхман*, *аҫам*, *кӗрӗк*³⁴.

Чувашские заимствования проявились также в традиционном хозяйстве русского населения, разных видах его материальной и духовной культуры.

Чуваши имели репутацию искусных земледельцев. Неудивительно, что русские заимствовали элементы их агрокультуры: кладку снятого хлеба в кабаны, раздельный способ уборки хлеба [11, с. 74], укладку снопов на полях «зигзагами» [3, с. 71]. Считается, что от татар русские восприняли укладку скирд на деревянные помосты, отказавшись от установки их на земле на подстилке из коры или соломы, при которой хлеб подвергался порче от сырости и потраве от грызунов [2, с. 56, 57; 3, с. 71]. Заметим на это, что источник начала XIX в. хранение хлеба «на подмостках» отмечает как присущее чувашам и марийцам Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов. Сообщалось, что так же делали крестьяне д. Русское Исенево Чебоксарского уезда [5, с. 191, 195], находившейся в чувашском окружении.

В число сельхозкультур, возделывавшихся русскими, входила полба, характерная для нерусских народов, в том числе чувашей, для которых имела ритуальное значение [3, с. 70].

Этнографы усматривают влияние марийцев, удмуртов и чувашей в применении русскими косули (однозубая соха) [3, с. 71; 4, с. 53]. Во второй половине XIX в. в русских деревнях овины стали заменяться шишами — конусообразными постройками для сушки хлеба, распространенными у чувашей, татар и других народов. Исследователи объясняют это снижением доходности крестьянского хозяйства: шиши, как и овины, горели часто, но их строительство обходилось дешевле и было менее трудоемким [4, с. 58]. Однако зерно в шишах сушилось хуже, и смолотая из него мука не хранилась долго [5, с. 192].

Чувашское влияние наблюдается на примере жилых и хозяйственных построек. Типичные постройки старинного чувашского двора — двухэтажные амбары и клетки с навесом — получили распространение у русского населения северных районов Среднего Поволжья [3, с. 72]. Во второй половине XIX в. у русских крестьян крытые дворы постепенно вытеснили широкие открытые как у чувашей, более подходящие к местным условиям [3, с. 72; 4, с. 125; 18, с. 147]. По наблюдениям советских этнографов, в русских селениях приволжских районов Чувашии имела место полихромная раскраска (3 — 5 цветов) наружной части домов, что указывает на тесное общение русских с татарами и чувашами, которые унаследовали ее от волжских булгар [4, с. 137].

В. К. Магницкий писал, что крестьяне д. Русское Исенево Чебоксарского уезда «даже избы свои устроили на чувашский лад — с нарами вдоль передней стены вместо лавок» [14, с. 220 — 221]. В этой деревне, принадлежавшей помещику Н. А. Апехтину, влияние чувашского окружения было особенно заметным. А. А. Фукс, гостя у брата, удивлялась, как очувашилась его деревня: все встречные мужики «не только по их костюму, но по манерам, по походке и по физиономии лиц», напоминали чувашей (даже бороды носили «как у чуваш»), «и каждый мужик и женщина так хорошо говорит по-чувашски, как на своем природном языке» [20, с. 11].

³³ Магницкий В. К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 42.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 413. Л. 67.

Взаимодействие с народами Поволжья оказало влияние на одежду и обувь их русских соседей. С середины XIX в. среди русских широко распространились чувашские и татарские лапти как более практичные: их можно было надевать на любую ногу и при износе одного не выбрасывать другой, более прочный [3, с. 74; 4, с. 162]. В приволжских селах было зафиксировано ношение русскими черных онучей, характерных для верховых чувашей [3, с. 74]. Даже в середине XX в. у русских, живущих в Чувашии, в покрое портов наблюдались черты сходства с местными народами; старинная русская рубаха также по покрою и способу ношения имела много общего с рубахами татар, чувашей и марийцев, отличаясь лишь деталями [4, с. 148, 149].

Имелись своеобразные особенности в питании русских, связанные с чувашским влиянием. В советское время у русского населения Чувашии отмечено использование в качестве пищевого растения гриба-трутовика, широко применявшегося чувашами [3, с. 74]. В. К. Магницкий писал, что чуваша в качестве суррогата молока употребляли пахту, которую русские называли «орень» (чув. *уйран*). Русское духовенство, по его словам, «аппетитно кушает его нередко и само» [13, с. 192]. Среди блюд чувашской кухни, заимствованных русскими, Н. В. Никольский называл суп *яшка*, сыр *чакът*, колбасу *шайрттан* [16, с. 217].

По давней традиции русские, живущие в Чувашии, собирали дикорастущие травы сныть (чув. *серде*) и болдран (чув. *пултйран*) — борщевик для приготовления щей. В некоторых русских селениях готовили *салму* — национальное блюдо чувашей, татар и других местных народов [4, с. 108 — 110]. По свидетельству В. К. Магницкого, *салму с болдраном* (суп с клецками и борщевиком), забеленную молоком, употребляло русское сельское духовенство³⁵. Он вспоминал, что в семье отца, священника с. Шуматова Ядринского уезда, это было лакомое блюдо³⁶.

Он же указывал, что русские, живущие среди чувашей, заимствовали у них способ сбивания коровьего масла в ореницах (чув. *уйран ёрнџи*) — длинных узких, выдолбленных из цельного липового дерева кадушках, снабженных деревянным поршнем, тогда как жители великорусских уездов использовали для этого глиняные горшки и мутовку [13, с. 192] — палочку с сучками на конце. «Ореники» широко бытовали среди русских в Чувашии даже в середине XX в. [4, с. 114].

В сознании русских крестьян христианская вера уживалась с суевериями и пережитками язычества. В 1903 г. священник с. Большая Шатъяма Ядринского уезда Н. А. Архангельский писал, что среди его прихожан есть переселенцы из Владимирской губернии, которые по мировоззрению ничем не отличаются от чувашей и не только не оказывают нравственного воздействия на них, но даже по некоторым вопросам подпали под влияние чувашских *йомзей* (знахарей). Они, а также обрусевшие чуваша, писал краевед, «имея не совсем твердое понятие о христианском вероучении, в то же время отлично знают все чувашские религиозные обряды, неопустительно присутствуя (при случае) при их совершении для даровой выпивки (например, на свадьбах, изредка на похоронах)»³⁷. Почти дословно это повторил В. К. Магницкий, говоря о крестьянах упоминавшейся д. Барские Исени (Русское Исенево) [14, с. 220 — 221].

Об авторитете, которым *йомзи* пользовались у русских крестьян, писал Н. И. Золотницкий, проиллюстрировав это примерами обращения к ним портного из Ядринского уезда для подтверждения своей невиновности в краже и

³⁵ [Магницкий В. К.] Из Казанской губернии // Русские ведомости. 1870. 1 мая. С. 3.

³⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 100 об.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. Л. 72 — 72 об.

крестьян одной из деревень Цивильского уезда за советом, как прекратить засуху [8, с. 170 — 172].

Заметим в этой связи, что двуязычие жителей смешанных селений помогало священникам в пасторском служении. Так, священник с. Хормалы Цивильского уезда чередовал богослужение на чувашском и церковнославянском языках, что приветствовали не только чувашские, но и русские прихожане, которые понимали первое лучше, чем второе³⁸.

По свидетельству священника с. Кошелеи Цивильского уезда В. С. Зайкова, русские прихожане подстрекали соседей-чувашей проводить языческие обряды, говоря им: «Когда вы жили по-чувашски и делали чуки (чу́к — общественное моление с жертвоприношением. — Ю. Г.), были хорошие урожаи, а как вы оставили все, начались засухи и неурожаи». Послушав их совета, чувашаи совершили чук, а русские крестьяне «беспрепятственно приняли участие в расходах на сей предмет денег»³⁹.

По сведениям В. К. Магницкого, к киремети Мелим-хузя, находившейся в крестьянском амбаре в чувашской д. Маслово Чебоксарского уезда, иногда для ворожбы приходили русские крестьяне соседнего Свияжского уезда [14, с. 70, 72]. Он же рассказал о жительнице с. Беловолжского Чебоксарского уезда, которая подобрала в поле живую утку, пожертвованную киремети, и принесла ее домой. На следующий день женщина захворала и, решив, что виной тому утка, тотчас велела отнести ее обратно⁴⁰.

По сведениям этнографа, шпанская муха — одно из средств любовной магии у чувашей — в таком же качестве использовалась русскими крестьянами Беловолжского прихода⁴¹.

В русском фольклоре, собранном в Чувашском крае, встречаются отдельные чувашские слова и выражения. В. К. Магницкий записал следующие поговорки: «*“Минь дуvas, да минь дуvas”* (Чего ж делать, чего делать?)... Нам топеря не до вас!» «Пошла *“ташла”* (пляши!) — грош нашла, еще пошла — два нашла», «*“Тух”* (Выдь! Вон!) нечистый дух», «*Тухта, тухлачь, худа килечень* (Подожди, сваха, до прихода свата)»⁴², сообщив, что первая и четвертая бытовали среди лавочников и горожан Чебоксар, соответственно. Приведя поговорку, имитирующую чувашский акцент: «Кончал базар!», пояснил, что она применяется по поводу окончания какого-либо дела или безуспешных поисков какой-либо вещи⁴³. Он же записал песню «Степанка чувашин», сочиненную крестьянкой с. Беловолжского Н. Савиной, муж которой тесно общался с чувашами. В песне рассказывается об одном дне жизни чувашского крестьянина, полном повседневных дел и забот. В тексте использованы русские слова, исковерканные на чувашский манер, варваризмы (заимствования из чувашского языка) и бессодержательный набор слов, имеющих внешнее созвучие с чувашскими⁴⁴. Песня получила распространение в Поволжье, но была изменена «на черемисский лад» [1, с. 93, 94].

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. Л. 35.

³⁹ Там же. Ед. хр. 196. Л. 53.

⁴⁰ [Магницкий В. К.] Из Казанской губернии. Село Беловолжское, 25-го октября [1870 г.] // Русские ведомости. 1870. 1 ноября. С. 3.

⁴¹ Магницкий В. К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде: этнографический сборник. Казань: Тип. губ. правления, 1888. С. 22.

⁴² Там же. С. 106, 111, 115.

⁴³ Там же. С. 105.

⁴⁴ Магницкий В. К. Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. С. 80.

По изысканиям Н. Р. Романова, отдельные чувашские слова проникли в тайный язык офеней, в XVIII — XIX вв. регулярно посещавших Чувашский край⁴⁵.

Тесное общение с чувашскими крестьянами оставило след в русских календарных праздниках и детских играх. Например, на Святках русские наряжались в чувашскую одежду и изображали чувашских крестьян, пришедших с просьбами к становому приставу, разыгрывая иногда «целую комедию»⁴⁶. Журналист Н. Ф. Юшков, докладывая на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете о труде В. К. Магницкого «Детские игры села Беловолжского» (не сохранился), отметил влияние «инородческого элемента» на характер детских игр, объяснив это тем, что село находится в чувашском окружении [9, с. 21].

В начале XX в. в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах было зафиксировано несколько русских сложных общин, нехарактерных для данного этноса. Как правило, они находились в русско-чувашских и русско-марийских деревнях, что указывает на восприятие русскими общественных отношений местных народов, существовавших у них с давних времен [4, с. 66].

Заключение

Многовековое совместное проживание чувашей и русских сопровождалось взаимным культурным обменом. В XIX — начале XX в. следы чувашского влияния проявились в традиционном хозяйстве, общественных отношениях, разных видах материальной и духовной культуры как сельского, так и городского русского населения Казанской губернии. Наиболее заметно они проявились в уездах с преобладанием чувашского населения, что усиливало его этнокультурное воздействие на русских соседей. Чувашские заимствования обогатили культуру и быт русского населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абашева Д. В. Из истории фольклористики России. В. К. Магницкий. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2004. 146 с.
2. Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 590 с.
3. Бусыгин Е. П. Взаимовлияния русских с народами Среднего Поволжья (по этнографическим данным) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2014. № 1 (36). С. 68 — 75.
4. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 216 с.
5. Гусаров Ю. В. Сельскохозяйственные описания Чувашского края, составленные в 1802 году по анкете Вольного экономического общества // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 173 — 198.
6. Демидова И. И. Русско-чувашские связи во второй половине XIX — начале XX в. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 204 с.
7. Егоров Д. В. Русско-христианский след в этнокультуре чувашской (вторая половина XIX — начало XX века) // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 24 — 26 июня 2024 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 218 — 229.
8. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. 279 с.
9. Иванов-Ехвет А. И. Музы ищут приют: [К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей в области музыки, театра]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 350 с.
10. Иванов В. П. [и др.] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. 269 с.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 413. Приложение. Л. 82.

⁴⁶ Можаровский А. Ф. Святочные песни, игры, гадания и очерки Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1873. С. 109.

11. История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 288 с.
12. Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 5. Казань, 1911. С. 311 — 432.
13. Магницкий В. К. Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш» Ив. Меншова // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург, 1881. Вып. 4. С. 179 — 195.
14. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. 268 с.
15. Михайлов С. М. Собрание сочинений / сост. В. Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
16. Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. 226 с.
17. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 303 с.
18. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. 1. Казань: Тип. Императ. Казанского ун-та, 1870. 109 с.
19. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: И. В. Дубровин, 1856. 188 с.
20. Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1840. 329 с.
21. Яковлев И. Я. Моя жизнь. Москва: Республика, 1997. 694 с.

REFERENCES

1. Abasheva D. V. From the history of folklore studies in Russia. V. K. Magnitsky. Cheboksary; 2004:146. (In Russ.)
2. Busygin E. P. Russian population of the Middle Volga region historical and ethnographic research (mid-19th — early 20th century). Kazan;2013:590. (In Russ.)
3. Busygin E. P. Mutual Influence of Russians with the Peoples of the Middle Volga Region (Based on Ethnographic Data) // Izvestiya of the Society of archaeology, history, and thnography at Kazan university. 2014;1(36):68 — 75. (In Russ.)
4. Busygin E. P., Zorin N. V. The Russian Population of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Material Culture. Cheboksary;1960:216. (In Russ.)
5. Gusarov Yu. V. Agricultural descriptions of the Chuvash region compiled in 1802 based on the questionnaire of the Free Economic Society // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2015(10):173 — 198. (In Russ.)
6. Demidova I. I. Russian-Chuvash Relations in the second half of the 19th and early 20th centuries. Cheboksary;2006:204. (In Russ.)
7. Egorov D. V. The Russian-Christian Trace in the Ethnic Culture of the Chuvash (Second half of the 19th — early 20th centuries) // Slavic-Turkic World: History and Modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Cheboksary, June 24 — 26, 2024). Cheboksary;2024:218 — 229. (In Russ.)
8. Zolotnitsky N. I. The Root Chuvash-Russian Dictionary. Kazan;1875:279. (In Russ.)
9. Ivanov-Ekhvaet A. I. The Muses Seek Shelter: [On the History of Pre-Revolutionary Russian-Chuvash Cultural Relations in the Field of Music and Theatre]. Cheboksary;1987:350. (In Russ.)
10. Ivanov V. P. [et al.] Ethnic History and Culture of the Chuvash of the Volga and Ural Regions. Cheboksary;1993:269. (In Russ.)
11. History of the Chuvash ASSR. Vol. 1. Cheboksary;1993:288. (In Russ.)
12. Komissarov G. I. The Chuvash of the Kazan Volga Region // IAOAE. Vol. 27. 1911(5):311 — 432. (In Russ.)
13. Magnitsky V. K. Comments on Ivan Menshov's "Ethnographic Sketch of the Chuvash's Way of Life" // Notes of the Orenburg Department of the Russian Geographical Society. Orenburg;1881(4): 179 — 195. (In Russ.)
14. Magnitsky V. K. Materials for the Explanation of the Old Chuvash Faith. Kazan;1881:268. (In Russ.)
15. Mikhailov S. M. Collected Works / comp. V.D. Dimitriev. Cheboksary;2004:510. (In Russ.)
16. Nikolsky N. V. Short Course in Chuvash Ethnography. Issue 1. Cheboksary;1928:226. (In Russ.)
17. Essays on the History of Culture in Pre-Revolutionary Chuvashia. Cheboksary;1985:303. (In Russ.)
18. Rittikh A. F. Materials for the Ethnography of Russia. Kazan Province. Kazan;1870:109. (In Russ.)
19. Sboev V. A. Research on the Non-Russians of the Kazan Province. Kazan;1856:188. (In Russ.)

20. Fuchs A. A. Notes on the Chuvash and Cheremis of the Kazan Province. Kazan;1840:329.
(In Russ.)
21. Yakovlev I. Ya. My Life. Moscow;1997:694. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Гусаров Юрий Владимирович, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:

Yuri V. Gusarov, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Historical Sciences, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 29.12.2025 җитнӗ;
рецензилӗн хыҫҫӑн 16.02.2026 ырланӑ; 02.03.2026 пичете йышӑннӑ

Автор җынчен:

Гусаров Юрий Владимирович, Чӑваш патшалӑх гуманитар
ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх ертӗҫӗ ӗҫтешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.